

АНДРЕЙ
РУБАНОВ
МОРОЗ
ПО ЖЕСТИ

АНДРЕЙ РУБАНОВ МОРОЗ ПО ЖЕСТИ

РОМАН

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление *Андрея Бондаренко*

В оформлении переплёта использовано изображение Большого Шигирского идола
(создано нейросетью *Midjourney*)

Рубанов, Андрей Викторович.

Р82 Мороз по жести : роман / Андрей Рубанов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 572, [4] с. — (Деревянные люди Андрея Рубанова).

ISBN 978-5-17-183049-6

В Ростове Великом тихий хиппи Иван колет дрова и слушает старый рок. Никто не знает, что он — ожившая деревянная статуя святого Иоанна Власатого. И что он готовит дерзкое ограбление музея, чтобы вернуть к жизни семерых братьев-истуканов.

Но на его пути встаёт языческая богиня Мокошь, воплощённая в красном дереве. Она шантажирует, сжигает церкви и требует добычу себе. Мир, где христианские мощи соседствуют с болотными идолами, а время течёт сквозь дерево, ввергает Ивана в криминальную схватку с древним злом.

“Мороз по жести” — попытка заглянуть в спрятанный город, где славянское язычество сращено с православием, а деревянные люди спорят с Богом. И проигрывают — потому что спорить со своим создателем невозможно.

Продолжение романа Андрея Рубанова “Человек из красного дерева”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183049-6

© Рубанов А. В.
© Бондаренко А. Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СПРЯТАННЫЙ ГОРОД 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РОДНЯ ПОГАНАЯ 95

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. УСПЕШНЫЙ УСПЕХ 213

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СТАЛЬНАЯ ВАТА 317

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВОСЬМИЛИКИЙ БОГ 409

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЩУЧЬЕ ВЕЛЕНИЕ 501

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СПРЯТАННЫЙ ГОРОД

Я очень волновался. В наш город приезжал важный гость. Я должен был его встретить, устроить на жительство и потом повсюду сопровождать — гидом и консультантом.

Никогда прежде я не выступал в такой ответственной роли.

Честно признаться, я приезжих не очень люблю, как и многие другие у нас.

Но сегодняшний гость, повторю, был особенный, даже легендарный.

В конце декабря, под самые новогодние праздники, пришла к нам сильная оттепель, щедро навалило мягкого снега, потом начались неприятные ледяные дожди, вдруг перемежаемые метелями, с озера крепко задувало сырым и горьким — а перед Рождеством грянул мороз.

Нынче ночью дотянуло до минус тридцати пяти.

Позавчера ещё вода текла по улицам, а сегодня сугробы обратились в камень. Люди скользили и падали. Машины у многих просто не завелись, а кто смог выехать со двора — быстро пожалел.

Я же парень хоть и молодой, но опытный, машина моя хоть и маленькая, зато вездеход, имеет систему подогрева как раз на случай жестоких стуж, а они по нам ударяют каждый год — такой климат, ничего не поделаешь.

Со своей окраины я аккуратно доехал до железнодорожного вокзала; на стоянке — ледяные бугры, накаты, колеи, процарапанные шипованными колёсами.

Местные таксисты, числом пять, по их общему обычаю свои машины заглушили, чтоб не тратить бензин; четыре мужика набились в пятую, заведённую, и в ней грелись.

Экспресс Москва — Ярославль прибывал в восемь утра, стоянка — две минуты, но за малое время поезд исторг из себя сотенную толпу разноцветных гостей, обмотанных шарфами, все молодые или едва средних лет, возбуждённые. Оригинальный сорт людей, так называемые внутренние туристы. Небедные граждане, уже побывавшие и в Европе, и в Азии, и в Италии, и в Индии. В новейшие времена, когда жизнь сильно подорожала, поездки в Италию и Индию стали им не по карману или просто надоели, и теперь эти неутомимые люди путешествовали внутри страны. Вместо Гоа или Канарских островов ездили на Горный Алтай, на Байкал, на Камчатку и потом неизбежно обращали внимание на то, что поближе, — на города Золотого кольца, старого и надёжного маршрута ещё с советских времён: Владимир, Суздаль, Кострома, Ярославль, Углич и так далее. Древние храмы, обомшелая история, стены и башни, монастыри, кремли, музеи, бесчисленные реликвии... На этом пути, переходя от более известных мест к менее известным, такие внутренние туристы однажды добирались и в наш отдалённый уголок.

Сошедшие с перрона разделились на две неравные группы. Местные — многочисленные, одетые гораздо скромнее, но тоже тепло — быстрым шагом пошли в обход вокзала сразу на автомобильную стоянку — их встречали родственники и друзья. Туристы же, яркие и шуршащие, как конфетные фантики, выходили в город через здание вокзала; тут я и встал, держа на уровне груди плакатик — лист бумаги с крупными буквами: ГЕОРГИЯ ВОРОШИЛОВА.

Прошли мимо несколько шумных компаний молодых людей, в красных и жёлтых горных пуховых куртках и модных овчинных ушанках, с объёмистыми рюкзаками, весёлые, заранее настроенные на получение удовольствия, и ещё множество пар, он и она, с чемоданами на колёсиках, — романтические путешественники.

Иные прибывшие, ловко сдёрнув зубами с руки рукавицы, голыми пальцами шарили по экранам телефонов, устанавливая связь со встречающими, а те, законтаченные, в ответ поднимали руки — и произошло несколько радостных смычек приезжих и здешних с возгласами и приветствиями.

В старые времена наезжали и иностранцы, любители русской экзотики, но теперь путь к нам им был перекрыт. Я уже много лет не видел у нас туристов из других стран, и даже китайцев к нам не возят. Нынче, как и в прошлые дни, приехали только свои.

Все они выглядели ошалевшими. Наш колючий холод жестоко ударил им в ноздри: они выезжали из Москвы в минус пять, а у нас тут к утру милосердно потеплело до минус тридцати.

Наконец и она подошла, улыбнулась осторожно, но всё же открыто, улыбка прекрасная, светлая.

Рост мой ниже среднего, а гостя была вровень; это вызвало у меня безотчётную симпатию.

Лицо — спокойно поднятое, большие внимательные глаза.

— С приездом, — сказал я. — Добро пожаловать в Ростов Великий.

Рюкзак она отдала с видимым облегчением, я перехватил — оказалось довольно тяжело.

Не теряя времени направились к машине.

Походка её мне тоже понравилась: лёгкая, решительная — такая бывает у тех, кто всегда точно знает, чего хочет.

Кроме рюкзака у неё на одном плече, с надёжной лямкой накрест через шею, висел бережно прижимаемый локтем плоский полотняный планшет, в каких художники носят свои рисунки; на другом плече, опять же с лямкой накрест, — кожаная компактная сума со множеством карманов. Перехваченная по груди ремнями наподобие пулемётных лент

гостя выглядела воином в боевом походе. Впрочем, так оно, вероятно, и было.

В машине я слушал “Чужие люди” Моррисона, и, когда включил зажигание, загудела музыка, гитарное и клавишное бряцание полувековой давности. Из вежливости я убавил громкость на самый минимум, но Ворошилова сказала:

— Не надо, оставьте.

Я выполнил просьбу.

— Нравится Моррисон? — спросил.

— Конечно, — ответила она. — Классика психоделики.

— У меня только такая, — сказал я. — Хиппанские гимны.

— Уважаете хиппи?

— Я сам хиппан.

— Отлично, — сказала Ворошилова.

— Моего отначальника, — сказал я, — звали Иоанн Вла-
сатый. А кто в мировой культуре самые волосатые? Хиппаны.
Вот и я хиппан.

— Прикольно, — ответила гостя вполне простецким тоном; я подуспокоился.

Пока всё шло лучше, чем ожидалось.

Мы ещё поговорили про хиппи и хиппанский тяжёлый рок — на самом деле присматривались друг к другу.

При знакомстве, особенно если человек важен и нужен, лучше сначала размять боковые, второстепенные темы.

Город у нас невелик, доехали быстро. Правда, когда свернул с дороги в свой переулок, последние двести метров переваливал понемногу, через ледяные скибы.

Тут меня обогнал местный рыбак, оснащённый по последнему слову техники: ревуший мотором гусеничный транспортёр, за ним на буксире широкие пластиковые сани — волокуша. Сам же рулевой — горбатое чудище в двух зипунах, натянутых один на другой.

— Ничего себе, — сказала Ворошилова. — Это что такое?

Я рассказал: гусеничные мини-транспортёры у нас называют “собаками”, и ездят они по озеру — для зимней рыбалки самая удобная техника; водительские права не нужны, и часто рыбаки гоняют на “собаках” не только по озеру, но и по улицам.

— Что же он, — спросила Ворошилова, — поехал на рыбалку в такой страшный мороз?

— А в этом весь кайф, — ответил я и повернул к своим воротам.

Дом мой — в самом конце переуллка, в череде многих других примерно таких же домов, маленький, но очень приличный, в два этажа, с просторным двориком, с окнами на озеро; вокруг — сплошной забор. Дом куплен двадцать лет назад: прежний хозяин решил переехать в Ярославль и забодал недвижимостью надёжным людям. А мы, ростовские истуканы, хоть и не вполне люди, зато самые надёжные. Наверное, надёжней нас тут и нет никого.

— У меня прохладно, — предупредил я гостью. — Уж извините. Перед вашим приездом постарался натопить, но, по-моему, не получилось.

— Ничего, — сказала Ворошилова, — холод полезен для кожи.

— Вам виднее, — сказал я.

Она предложила перейти на “ты”, я согласился и повёл наверх, показал комнату, заблаговременно приготовленную, отдраенную, на постели — свежайшее бельё, душевая кабина сверкает, а из большого окна — вид на наше прекраснейшее озеро во всю его невероятную ширь. И Ворошилова замерла, глядя на рассветное сияние, — оно у нас бывает только зимой и только в самые морозы. Ярчайшая пунцовая полоса во весь горизонт, небесный пожар между землёй и небом... Потом алый занавес расслаивается на радужные цвета в их обычном порядке: внизу красный, выше оранжевый, жёлтый и прочие.

Я предложил подождать ещё, и мы какое-то время молча стояли плечом к плечу, наблюдая, как выкатывается солнечный мяч, опять же сначала малиновый, потом красный и, наконец, золотой, всепобеждающий.

— Отдыхай с дороги, — сказал я, — потом спускайся, будем завтракать. Но сначала вот тебе подарок от меня, в честь приезда. — Протянул, объяснил: — Браслетик серебряный, бляшки на нём медные. При ходьбе слегка позвякивают и отгоняют злых духов.

Гостья спокойно протянула руку, позволила надеть на запястье.

— Тут раньше жил народ мера, — сказал я. — Не славяне, финно-угры. Их женщины ходили все увешанные такими штуками с ног до головы. Ходили и звенели, за пять шагов было слышно. Теперь я делаю такие браслеты на продажу. Маленький бизнес.

Ворошилова тряхнула рукой, и бляшки издали глухой звук.

— Круто, — сказала она. — А ты тоже мера?

— Я истукан. У нас нет этнической принадлежности. Мой отначальник, настоящий живой Иоанн Милостивый, или Власатый, пришёл сюда из Германии. Он мог быть саксонцем, франком. Но мог быть и греком. Про него мало что известно. Жил в шестнадцатом веке, в правление Ивана Грозного. Нетленные мощи Иоанна Власатого находятся тут, в Ростове, завтра ты на них посмотришь. А сегодня — отдых, обустройство. Пойдём, перекусишь с дороги чем бог послал.

Шли последние дни Рождественского поста, но я полагал, что современная столичная девушка вряд ли соблюдает традицию воздержания, и выставил скоромный пирог с мясом. Прочие блюда были постные, зато деликатесы — наши местные, ростовские, все домашнего приготовления: квашеная капуста со злейшим красным луком, солёные огурцы, котле-

ты из щуки, икра — тоже щучья, копчёный лещ, монастырский квас и монастырская же медовуха, и то и другое — с градусами. Какие ёмкости подавать под медовуху, я не знал, забыл глянуть в интернете, но помнил, что под пиво нужны кружки, а под вино — бокалы, а поскольку медовуха крепче пива, то выбрал бокалы.

Когда гостя спустилась, я ей наперво предложил полный бокал для согрева, и она согласилась весело и охотно.

Вышла прибранная, переоделась в макси-юбку и вязаную кофту, щёки облиты морозным румянцем, волосы тёмно-русые, короткие, стан прямой. Ела с аппетитом.

После стаканчика медовухи расслабилась гостя, глаза её заблестели, жесты стали свободнее, смех звонче.

Очень приятная молодая женщина: уверенная, смелая. Не красавица: чуть тяжеловат подбородок, скулы высокие, татарские, крылья носа резко вырезаны.

Я положил на стол ключи.

— Весь дом — твой, на любой срок. Живи сколько хочешь. У тебя будет пансион: утром — завтрак, вечером — ужин, а обедать будем в городе. У нас отличные рестораны. Если хочешь, можешь готовить сама, составишь список продуктов — я привезу. Вот пароль от вай-фая, а это на всякий случай телефон моего брата, старшины нашей ростовской общины, его имя — Авраамий. Сегодня вечером познакомитесь.

— То есть я буду тут жить одна? — спросила Ворошилова.

— Я же сказал: мой дом — твой дом. Я поживу у брата.

— Это не дело, — решительно сказала гостя. — Я не хочу никого стеснять.

Я засмеялся.

— А как ты меня стеснишь? Я же деревянный. Холода я не чувствую, спать мне не надо, есть-пить — не надо. Я вообще, если хочешь знать, зимой почти всё время на улице